

Рудольф Штайнер
ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЫМЫСЕЛ СКАЗОК В СВЕТЕ ДУХОВНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ
Из GA 62

Лекция в Берлине 6 февраля 1913 года

Говорить о творчестве сказок в свете духовного исследования может показаться весьма рискованным по ряду причин. Во-первых - трудность данного предмета: ибо, и в самом деле, те источники в человеческой душе, из которых проистекает сказочное настроение, настоящее и правдивое сказочное настроение, следует искать в этой душе настолько глубоко, что прежде, чем эти источники будут найдены, необходимо пройти длительное и сложное обучение тем методам духовного исследования, которые я постоянно описываю. Гораздо глубже, чем обычно полагают, сокрыты в человеческой душе эти источники, из которых проистекает настоящий, правдивый сказочный вымысел, который так чарующе звучит из всех эпох человеческого развития.

Во вторых - в основном именно очарование сказочного вымысла вызывает чувство, что посредством рассмотрения, посредством проникновения в сущность сказок в душе будет разрушено стихийное изначальное впечатление, будет разрушена вся природа воздействия самой сказки. Относительно комментирования и толкования поэтического творчества уже имеется, и с полным на то основанием, мнение, что они разрушают непосредственное эстетическое впечатление, разрушают непосредственное жизненное впечатление, которые вызывает поэзия просто в силу своего стихийного воздействия; поэтому тем более нельзя допускать толкования по отношению к бесконечному очарованию и бесконечному волшебству того поэтического творчества, которое в виде сказок проистекает из такого, по-видимому, непостижимого и глубокого источника, как народная душа или отдельные человеческие души. Фактически это подобно тому, как если бы мы разрушили цветок растения, пытаясь с помощью суждения проникнуть в то, что так же изначально проистекает из человеческой души, как этот поэтический вымысел сказок. Тем не менее кажется, что с одной стороны, методы духовного исследования могут, по крайней мере до некоторой степени, осветить те области душевной жизни, из которых проистекает сказочное настроение и сказочный вымысел. С другой стороны, и второму возражению, по-видимому, противоречит некоторый опыт. Именно потому, что источники сказочного настроения и вымысла следует искать так глубоко в человеческой душе, приходят, всецело основываясь на опыте, к убеждению: то, что может быть дано в качестве духовнонаучного объяснения, представляет собой все же нечто такое, что настолько бережно касается охарактеризованных источников, что они, благодаря таким исследованиям, не только не разрушаются, но напротив, исполненная значения, сущностная глубина в человеческой душе, из которой проистекает сказочное настроение, сокрыта настолько, что возникает ощущение: вещи, которые там сокрыты, являются всякий раз для человеческой души вновь настолько новыми, настолько неповторимыми и изначальными, что сами они лучше всего могли бы быть выражены в виде некоего рода сказок, ибо чувствуется, насколько невозможно все иное для выражения того, что звучит из глубины этих источников. Вполне возможно, и даже совершенно естественно, такое настроение, при котором некто, подобно Гете, наряду со своим художественным творчеством пытается глубоко проникнуть в первоосновы и источники бытия, тогда, если ему нужно дать глубочайшие переживания человеческой души, он все же не прибегает к теоретическому объяснению, не разрушает исследованием источник сказок, но именно теперь, заглянув в эти источники,

для выражения высших переживаний человеческой души вновь вполне естественно обращается к сказкам. Что и сделал Гёте в своей "Сказке" о зеленой змее и прекрасной лилии, когда он в своем роде стремился выразить те глубокие переживания человеческой души, которые Шиллер более абстрактно-философски выразил в своих письмах "Об эстетическом воспитании". Именно в природе сказочного кроется причина того, что объяснение и понимание сказок никогда не смогут разрушить по отношению к ним плодотворного настроения. И кто с точки зрения духовного исследования пытается проникнуть к упомянутым источникам, тот находит нечто весьма своеобразное. Если сказать все, что я охотно бы сказал о сущности сказок, потребовалось бы много докладов. Поэтому сегодня могут быть даны лишь некоторые указания и результаты исследования.

Кто с точки зрения духовного исследования пытается проникнуть к упомянутым источникам, тот находит, что эти источники поэтического вымысла сказок сокрыты в человеческой душе намного глубже, чем те источники творческой и наслаждающейся духовным человеческой души, которые проявляются во всей полноте в других вдохновляющих произведениях искусства, например, в потрясающих трагедиях. Трагедии изображают переживания человеческой души под воздействием сил, о которых поэт сказал, что они вызваны великой, необычной судьбой, которая, сокрушая человека, возвышает его. Трагические потрясения происходят от этой судьбы и ее изображения, но при этом мы можем сказать: соответствующие нити, коллизии, которые должны возникать и разрешаться на протяжении трагедии, сокрыты в определенных индивидуальных переживаниях человеческой души во внешнем мире, которые безусловно, во многих отношениях трудно предугадать, потому что очень трудно проникнуть в индивидуальное человеческой души; но об этих индивидуальных переживаниях все же можно догадаться, их можно познать, если чувствовать то, что происходит в человеческой душе благодаря этим связям с жизнью. Чувствуется: некая душа, переживая трагическое, как оно нам представлено, так или иначе вовлечена в жизни в ту или иную судьбу.

Источники сказочного настроения и поэтического вымысла сказок находятся гораздо глубже, чем эти трагические коллизии. Мы чувствуем, что трагическое, как и многие другие виды художественного творчества, возникает, когда мы видим человека, который в определенном возрасте, в определенный период своей жизни подвергается тем или иным ударам судьбы. Переживая трагическое, мы предполагаем, что человек вовлечен в соответствующие коллизии благодаря индивидуальным переживаниям; и тогда возникает чувство: этого человека, каким он изображен в трагедии с его индивидуальными переживаниями, мы можем понять. В трагедии и в других произведениях искусства перед нами выступает вполне определенная, свойственная человеку область.

Если мы с пониманием обратимся к поэтическому творчеству и настроению сказок, то испытаем совсем иное, отличное от только что описанного чувство, ибо воздействие сказок на человеческую душу, будучи элементарным и изначальным, принадлежит к области бессознательного. Если мы попытаемся почувствовать то, что здесь сокрыто, то тогда исходя из этого чувства можем сказать себе: в различных сказках выражается совсем не то, во что может быть вовлечен человек посредством определенных жизненных ситуаций; то, что выражается в сказках, не ограничено кругом человеческих переживаний, но лежит настолько глубоко в переживаниях человеческой души, что является общечеловеческим. Мы не можем сказать, что какая-то человеческая душа, вживаясь в определенную ситуацию, может таким образом нечто обрести; но то, что выражается в сказках, коренится настолько глубоко в душе человека, что переживается им независимо от возраста: будь он ребенком, взрослым или убеленным сединами старцем. В сказках выражается то, что проходит через всю нашу жизнь в глубочайших душевных переживаниях. Только сказки являются свободным, часто даже шутливым, образным выражением этих переживаний и того, что лежит в их основе. Эстетическое, художественное наслаждение сказками происходит от их созвучия этим внутренним

переживаниям, от которых душа, пожалуй, отстоит настолько же далеко, насколько, если отваяться на это сравнение, вкусовые ощущения при наслаждении пищей отдалены от скрытых, сложных процессов, через которые проходит в организме пища, для того чтобы в свой черед способствовать его построению. Все происходящее здесь с пищей ускользает от человеческого наблюдения и познания, а человеку остается лишь наслаждение вкусом. Сначала кажется, что оба эти явления имеют довольно мало общего друг с другом, что невозможно, основываясь только на своих вкусовых ощущениях, хотя бы что-то узнать о назначении этой пищи во всех жизненных процессах человеческого организма. Подобным же образом переживания человека при эстетическом наслаждении сказкой довольно далеко отстоят от того, что происходит в неосознанных глубинах человеческой души, когда то, что изливается и излучается от сказок, соединяется с человеческой душой; потому что эта душа обладает неуничтожимой потребностью давать струиться через свои духовные артерии субстанции сказок, так же как организм имеет потребность позволять циркулировать в себе питательным веществам и субстанциям.

Если применяют те методы, которые описаны здесь как методы духовного исследования, как методы проникновения в духовные миры, то на определенной ступени духовного познания узнают о том, что в глубинах человеческой души постоянно протекают духовные, совершенно не осознаваемые ею процессы. В обычной повседневной жизни эти, протекающие в глубинах человеческой души, духовные процессы всплывают в едва воспринимаемых сознанием сновидческих переживаниях. Когда человек при особо благоприятных обстоятельствах пробуждается от сна, он может почувствовать следующее: ты всплываешь (появляешься) из духовного мира, в котором нечто помыслено, в котором нечто продумано, в котором в глубоких, непостижимых подосновах бытия происходит нечто такое, что все же подобно переживанию дня и что внутренне связано со всем твоим существом, но глубоко сокрыто от этой дневной жизни. Если духовный исследователь достиг некоторых успехов, если он уже может иметь некоторый опыт в мире духовных существ и фактов, то довольно часто он переживает это именно так. Как бы далеко он ни продвинулся, он постоянно оказывается только как бы на берегу некоего мира, где перед ним из глубин бессознательного возникают духовные процессы, о которых он может сказать: они связаны с твоим существом, ты можешь их почти уловить, как возникающую перед твоим духовным взором фата-моргану, но они все же не покорятся тебе полностью.

Это заглядывание в непостижимые духовные взаимосвязи, в которые включен человек, принадлежит к своеобразнейшим переживаниям. Если внимательно проследить определенные интимные душевные процессы, то оказывается, например, что душевные конфликты, которые человек переживает в глубинах души и которые изображает в произведениях искусства и трагедиях, можно наблюдать относительно легко по сравнению с определенными общечеловеческими душевными конфликтами, о которых дневная жизнь, в сущности, не подозревает, но которые переживаются каждым человеком на протяжении всей жизни. Один из таких открытых посредством методов духовного исследования душевных конфликтов протекает совершенно без участия повседневного сознания каждый день, например, при пробуждении, когда душа, возвращаясь из того мира, в котором она пребывала бессознательно во время сна, вновь погружается в свое физическое тело. Как было сказано, повседневное сознание не подозревает об этом; и тем не менее здесь, в основах души, как ее переживание протекает ежедневно некая борьба, которую духовное исследование может лишь едва проследить. Эта борьба включает в себя все, что можно назвать борьбой в себе замкнутой, в себе себя переживающей, одинокой и ищущей своего духовного пути души с силами природного бытия, которым мы противопоставлены во внешней жизни, перед которыми мы, как люди, до некоторой степени бессильны, которые переживаем как гром и молнию, как бушующую над беспомощными людьми стихию.

Но все это, и даже переживания человека в связи с мощными, хотя и редкими, проявлениями стихийных природных сил, есть сущий пустяк по сравнению с той, остающейся неосознанной борьбой, которая происходит при пробуждении, когда душа, переживая в себе свое душевное бытие, должна соединиться теперь с силами и субстанциями чисто природного тела, в которое она погружается, для того чтобы вновь использовать свои подверженные воздействию природных сил чувства и для того чтобы использовать свои члены, в которых играют природные силы. Человеческая душа как бы испытывает страстное желание погрузиться в это чисто природное, и всякий раз при пробуждении это страстное желание исполняется. Но одновременно с этим душа переживает нечто подобное пугливому трепету, переживает некое чувство своей беспомощности перед тем, что вновь возникает как вечная противоположность человеческой души перед чисто природным, которое правит во внешней жизни и в котором она пробуждается. Как бы удивительно не звучали слова о борьбе, протекающей ежедневно в основах человеческой души, это переживание все же имеет место и происходит в человеческой душе совершенно бессознательно. Человеческая душа не может знать о том, что здесь происходит, но она переживает эту борьбу вновь каждое утро; и любая душа, несмотря на то, что она ничего не знает об этом, посредством всего, чем она является, посредством всех ее свойств, посредством всего ее существа, посредством индивидуальных нюансов ее бытия, находится под впечатлением этой борьбы. Другое переживание, которое протекает в глубинах человеческой души и может быть прослежено лишь духовным исследованием, связано с моментом засыпания. Когда человеческая душа покидает органы восприятия и члены тела, когда она до некоторой степени оставляет внешнее тело в физическом чувственном мире, тогда к ней подступает то, что можно назвать чувством ее сокровенной сущности. Только в этом случае она неосознанно переживает внутреннюю борьбу, происходящую от того, что эта человеческая душа в жизни связана с внешней материей и вынуждена делать вещи, обусловленные ее связью с материей. Она воспринимает чувственный мир как отягощающий ее груз, воспринимает этот груз как сдерживающее ее морально препятствие. От засыпания вплоть до пробуждения, когда человеческая душа остается наедине с собой, в ней неосознанно разыгрывается некое моральное настроение, с которым не могут сравниться ни одно из моральных настроений внешнего мира. И многие другие настроения протекают в человеческой душе именно тогда, когда она свободна от тела, когда она от засыпания до пробуждения ведет чисто духовное существование.

Но не следует думать, что эти в глубине души протекавшие процессы не присутствуют в бодрствующем состоянии. Духовное исследование приходит к очень интересным результатам. Оно показывает, что человек видит сны не только тогда, когда полагает, что видит их, но он видит сны (грезит) на протяжении всего дня. В действительности душа постоянно полна сновидений, только человек их не замечает, ибо дневное сознание сильнее сознания сновидческого. И как слабый свет затмевается действием более сильного света, так и дневное сознание погашает то, что всегда присутствует в основах души и в виде совершенно непрерывной жизни сновидений постоянно разворачивается в течение всего дня. Человек грезит всегда, но не всегда это осознает. И из этой полноты сновидческих переживаний, из остающихся неосознанными снов, которые неисчерпаемы по сравнению с переживаниями дневного сознания, подобно отдельным водным каплям, выделяющимся из остальной водной массы обширного океана, поднимаются, достигая сознания человека, сновидения. Но эти остающиеся неосознанными сны являются духовными переживаниями души. Следовательно, здесь, в основах души, протекают определенные переживания. Духовные, глубоко сокрытые в бессознательных сферах души переживания протекают также, как происходят в теле остающиеся в бессознательном химические процессы.

Если мы с этими только что выявленными фактами соединим другие, уже известные нам из этого доклада, то осветим еще одну из скрытых сторон душевной жизни, о которых здесь идет речь. Мы неоднократно подчеркивали, что в ходе развития человечества на земле духовная жизнь человека совершенно изменилась. Если мы обратимся к далекому прошлому человеческого развития, то найдем, что душе прачеловека были свойственны совершенно иные переживания, чем душам современных людей. Мы уже говорили, а в будущих докладах разовьем эту тему дальше, что человек в ранние эпохи развития обладал некоторым изначальным ясновидением. То восприятие мира, при котором мы в бодрствующем состоянии души обычно воспринимаем посредством внешних побуждений чувственные представления и связываем эти чувственные представления в нашем сознании при помощи разума, рассудка, чувства и воли, - это восприятие свойственно лишь сознанию нашего времени. Это сознание развилось из древнейших форм человеческого сознания, которые, в лучшем смысле этого слова, были в большей степени ясновидческими состояниями. В них человек имел возможность в определенном промежуточном состоянии между сном и бодрствованием совершенно нормальным образом переживать нечто из духовного мира; так что человек, хотя и не осознавал самого себя в своем обычном сознании, но все же был менее чужд тем переживаниям, которые в глубине его души протекали таким образом, как мы сегодня охарактеризовали.

Человек древности в большей степени воспринимал свои связи с духовным миром. Он видел, как вещи, происходящие в его душе, эти покоящиеся глубоко в его душе события, связаны с определенными духовными фактами во вселенной. Это было свойственно первоначальному ясновидящему сознанию человечества. И если сегодня лишь при совершенно особом настроении могут переживать нижеследующие чувства, то в более древние эпохи они довольно часто были доступны не только подготовленным людям, но и совсем простому человеку.

Может оказаться, что в глубинах души совсем неопределенно, настолько неопределенно, насколько это возможно, покоится некое переживание, которое не доходит до сознания. Это совершенно неопределенное переживание разыгрывается в душевных глубинах. Совсем ничего из этого переживания не достигает сознательной дневной жизни. Но это переживание присутствует в душе точно так же, как в организме присутствует чувство голода. И как для удовлетворения чувства голода необходимо нечто, так же необходимо нечто и для этого неопределенного настроения, которое возникает из сокровытого глубоко в душе переживания. В этом случае чувствуют побуждение либо обратиться к уже существующим сказкам и сказаниям, либо, если обладают художественной природой, сами сочиняют нечто такое, по отношению к чему чувствуют, что все слова, которые, теоретически можно применить к этому переживанию, покажутся невразумительным лепетом. Именно так возникают сказочные образы. И тогда это сознательное наполнение души сказочными образами утоляет в ней тот голод, о котором мы только что говорили.

Так как в древние эпохи человеческого развития человеческая душа находилась ближе к ясновидящему восприятию своих духовных внутренних переживаний, то в зависимости от обстоятельств, простой человек более интенсивно, чем это возможно сегодня, ощущал только что охарактеризованный голод и стремился удовлетворить его такими образами, которые возникали посредством творящей человеческой души и которые встречаются нам в сказочных традициях различных народов. Человеческая душа чувствовала свое родство с духовным бытием. Она более или менее сознательно чувствовала внутреннюю борьбу, которую она переживала, не понимая, и выражала ее в образах, имевших в силу этого лишь отдаленное сходство с тем, что происходит в подосновах души. И тем не менее можно почувствовать, что существует взаимосвязь между тем, что выражается в сказках, и этими непостижимо глубокими переживаниями человеческой души.

Детская душа - наблюдение и опыт могут подтвердить это - очень часто в своем внутреннем мире создает нечто наподобие друзей, друзей, которые, собственно говоря, существуют только для этой детской души, но которые всегда рядом с ней и участвуют в различных событиях ее жизни. Кто, например, не знает детей, которых постоянно сопровождают незримые друзья. Этим друзьям следует представлять присутствующими здесь всякий раз, когда происходит нечто, что радует ребенка. Они, как незримые единомышленники, как родственные души принимают участие в тех или иных переживаниях ребенка. В жизни мы можем довольно часто наблюдать, какое плохое воздействие оказывается на детскую душу, когда "разумному" человеку случается слышать, как ребенок, имеющий такого интимного друга, хочет излить этому другу душу. Эта задушевная беседа с другом, возможно, оказала бы на ребенка целительное воздействие. Ребенок делится с этим другом своими печалью. И если обладают восприимчивостью к духовно-душевым настроениям, то эта печаль может означать еще очень многое; она может означать, что ребенок прихварывает, заболевает. Эти связанные с глубоко 'внутренними процессами человеческой души переживания вполне реальны.

Не разрушая сказочного очарования, мы можем почувствовать это простое переживание в сказке о ребенке и лягушке, которую передали нам Братья Гримм. Они рассказали о ребенке, который всегда делил свою трапезу с лягушкой. Но лягушка ела только молоко. И вот наступил день, когда лягушке захотелось отведать и хлеба. Об этом узнала мать ребенка и убила лягушку. Вскоре после этого ребенок занемог и умер.

В сказках мы чувствуем отзвук душевных настроений, которые протекают исключительно в душевных глубинах. Эти душевные настроения протекают фактически таким образом, что становятся доступными человеческой душе не только в определенные периоды жизни, но просто благодаря тому, что человек, независимо от того, ребенок он или взрослый, является человеком. Поэтому каждая человеческая душа может чувствовать, что отзвуки этих настроений, которые она переживает, но не понимает, которые даже не поднимаются до ее сознания, связаны с тем, что в сказках действует на душу точно так же, как действует пища на орган вкуса. И тогда сказка становится для души тем же, чем являются питательные вещества для организма. Конечно, заманчиво отыскивать в глубинах души те переживания, отзвук которых слышится затем в различных сказках. Проверять на основании этого отдельные сказки, которых собрано великое множество, было бы, разумеется, весьма достойной задачей, но на это потребовалось бы очень много времени. Но то, что можно наглядно объяснить на примере отдельных сказок, применимо и к остальным, если только эти сказки настоящие.

Возьмем еще одну из сказок Братьев Гримм, сказку о гноме. Мельник сказал королю, что его дочь умеет прясть из соломы золотую пряжу. Король повелевает явиться ей в замок и показать свое умение. Дочь мельника приходит в замок. Оставив ей охапку соломы, чтобы она показала свое искусство, ее закрывают в комнате. Делать это она совсем не может и чувствует себя совершенно беспомощной. И вот перед ней появляется маленький человечек и говорит: "Что ты мне дашь, если я выпяду для тебя из соломы золотую пряжу?" Дочь мельника обещает ему ожерелье, и маленький человечек выпядает ей за это из соломы золотую пряжу. Короля это очень удивило, и захотелось ему золотой пряжи еще больше. И было поведено ей повторить это еще раз. Ее опять оставляют в комнате, перед ней вновь появляется маленький человечек и говорит: "Что ты мне дашь, если я из этой охапки соломы выпяду тебе золотую пряжу?" - Она дает ему на этот раз колечко, и он снова выпядает ей из соломы золотую пряжу. Но королю хочется еще больше. И когда ее третий раз закрывают в комнате, и перед ней в третий раз появляется маленький человечек, ей уже нечего ему дать. И тогда человечек говорит, что она, когда станет королевой, должна будет отдать ему своего первого ребенка. Она обещает ему это. А когда рождается ребенок, приходит маленький человечек и напоминает ей о ее обещании. Дочь мельника просит отсрочку. На это человечек отвечает: "Если ты назовешь мне мое имя, то

это освободит тебя от обещания!" - Дочь мельника начинает искать. Она хочет знать все имена, а также и то, которое принадлежит маленькому человечку. И наконец, после многих тщетных попыток, ей удается назвать имя маленького человечка - Rumpel stilzchen (карлик, гном).

Действительно, никакое другое произведение искусства, кроме сказок, не вызывает такого необыкновенного чувства: можно испытывать от этих непосредственных образов глубочайшую радость и, тем не менее, знать о тех глубоко внутренних душевных переживаниях, из которых подобные сказки рождаются. Если даже следующее сравнение покажется тривиальным, но тем не менее может оказаться верным: точно так же как человек, хорошо знающий химию питательных веществ, все же может ощущать вкус хорошей пищи, таким же образом можно знать и нечто о глубоких внутренних душевных переживаниях, которые только переживают, не осознавая, и которые обозначенным способом проявляются в сказочных образах. Да, это одинокая человеческая душа, - потому что, если она связана с телом, то остается все же одинокой в себе не только во сне, но и в течение остальной жизни, - она чувствует, не сознавая, переживает, не понимая, всю противоположность, в которой она находится ради своей бесконечной задачи, ради достижения предназначенного ей в божественном мире бытия.

Человеческая душа чувствует, насколько незначительны ее возможности по сравнению с возможностями, свойственными внешней природе, которая сочетает друг с другом все вещи и является настоящей великой волшебницей, какой так хотелось бы стать человеческой душе. В сознании это возможно, возможно с легким сердцем преодолеть то расстояние, которое отделяет человеческую душу от всемудрости и всемогущества духа природы. Но в глубинах душевных переживаний эти вещи происходят не так просто. Человеческая душа погибла бы, если бы не чувствовала в себе, за воспринимаемым в начале существом, еще более глубокое существо, такое существо, на которое она может полагаться, о котором может сказать себе: насколько несовершенной тебе пока еще приходится быть - это существо в тебе умнее, оно правит в тебе, оно может поднять тебя к высшим способностям, может одарить тебя крыльями, для того чтобы ты увидела бесконечные перспективы, уходящие в бесконечное будущее. И ты сможешь то, что еще не можешь сейчас, ибо в тебе имеется нечто бесконечно большее, чем твои "познания". Это твой верный помощник. Ты должна лишь установить с ним отношения, должна суметь соединить понятия с этим, обитающим в тебе, умнейшим, мудрейшим, искуснейшим, чем ты сама, существом.

А теперь попытайтесь вновь представить себе это знакомство человеческой души с самой собой, это бессознательное общение с искуснейшей частью души, и попытайтесь в этой сказке о карлике почувствовать отзвук того, что переживалось в душе дочки мельника, которая не умела прясть из соломы золотую пряжу, но нашла в маленьком человечке искусного и верного помощника. В этой сказке в образах, очарование которых не разрушается знанием об их истоках, дана сокрытая глубоко в подосновах души, глубоко внутренняя душевная жизнь.

Или возьмем нечто другое. Надеюсь, вы меня не будете упрекать, если я это другое свяжу с определёнными вещами, которые, возможно, имеют явно личную окраску, но которые не предполагают ничего личного. То, о чем идет речь, станет более ясным, если я этот незначительный личный нюанс выставлю в выгодном свете.

В моем "Очерке Тайноведения" вы найдете описание эволюции мира. О самой эволюции я сейчас говорить не буду, это можно сделать по другому поводу. В этом описании мировой эволюции говорится, что сама наша земля, как планета, прошла во вселенной определенные стадии, которые мы можем сравнить с рядом последующих жизней отдельного человека. Как отдельный человек проходит через ряд последовательных жизней, так и наша земля прошла различные планетарные жизненные ступени, различные воплощения. Мы в духовной науке по определенным причинам

говорим о том, что земля перед началом своего "земного" бытия прошла через некий род "лунного" бытия, а перед ним - некий род "солнечного" бытия; так что мы можем говорить о солнечном бытии, как о планетарном бытии, которое в очень далеком прошлом предшествовало бытию нашей земли, то есть - о древнем солнце, которое еще было соединено с землей. Затем в ходе развития произошло их разделение. Из того, что было первоначальным солнцем, выделились также луна и современное солнце; так что мы можем говорить о первоначальном солнце и, до некоторой степени, его преемнике современном солнце. А также и о современной луне мы можем говорить как о некоем продукте древнего солнца. Теперь, если мы духовнонаучным исследованием проследим в обратном созерцании земное развитие до того момента, когда возникло второе солнце как самостоятельное мировое тело, то сможем сказать, что тогда среди существ, которые могли восприниматься внешне - чувственно, к животному царству принадлежали лишь такие существа, которые развились до ступени рыб.

В моем "Очерке тайноведения" об этих вещах можно прочесть более подробно - а также и понять. Они могут быть найдены, разумеется, только методами духовнонаучного исследования. В то время, когда они были найдены и записаны мной, - то есть, найдены они были не тогда, когда были описаны в "Очерке тайноведения", но сначала они были найдены, так сказать, для меня, а затем были записаны, - тогда мне, а это и есть то личное, что мне хотелось бы вставить, была совсем неизвестна та сказка, а то, что она была мне совсем неизвестна, я могу констатировать совершенно точно, которую я лишь позднее обнаружил в "Этнической психологии" Вундта и источники которой я проследил дальше только потом.

А теперь кратко перескажу этой сказки я хочу предпослать следующее: все, что духоиспытатель может таким образом исследовать в духовном мире, - а эти вещи, на которые сейчас было указано, должны быть исследованы именно в духовном мире, так как в обычном мире их уже нет, - все, что таким образом исследуется, представляет собой мир, с которым связана человеческая душа. В глубочайших подосновах нашей души мы связаны с этим миром. Он всегда присутствует здесь; да, мы вступаем, пусть и бессознательно, в этот мир, когда в обычной жизни погружаемся в сон. Наша душа связана с ним, и она имеет в себе не только те переживания, которые приходят к ней во сне, но и переживания, связанные со всем развитием, о котором мы только что говорили. Если бы это не звучало так парадоксально, то можно было бы сказать: в бессознательном состоянии душа знает об этом, душа переживает себя самое в продолжающемся потоке, который исходит от первоначального солнца, а затем от дочернего солнца, сияние которого мы видим сейчас на небе, и от луны, которая также принадлежит к последующему поколению первоначального солнца. И еще человеческая душа переживает те формы душевно-духовного бытия, через которые она прошла еще не будучи соединенной с материей, но в которых уже могла созерцать земные процессы, например, в то время, когда высшие земные организмы достигли ступени рыб и когда, отделившись от земли, возникли современное солнце и современная луна. В бессознательном душа связана с этими процессами.

А сейчас очень коротко мы остановимся на сказках примитивных народов. Эти народы рассказывают: жил-был однажды человек. Но как человек он принадлежал к существам, состоящим из древесной смолы, и мог работать только ночью, ибо днем растаял бы под лучами солнца. Но однажды пришлось ему отправиться на ловлю рыбы днем. И тогда этот человек, состоящий из древесной смолы, растаял. Его сыновья решили отомстить за него. И пустили стрелы. Они пустили стрелы таким образом, что эти стрелы, образовав определенные фигуры, расположились друг над другом. Так возникла лестница до самого неба. По этой лестнице они вскарабкались вверх: одни - днем, другие - ночью. Первые стали солнцем, вторые - луной.

Не в моих правилах указывать на подобные вещи абстрактным образом и давать рассудочные понятия. Совсем другое дело - почувствовать результаты исследования, почувствовать, что человеческая душа в своих глубинах связана с тем, что происходит в мире и что может быть постигнуто лишь духовно; почувствовать, что эта человеческая душа связана со всем и стремится удовлетворить свой голод образами, в которых выражается ее глубочайшие неосознанные переживания. Если это почувствуют, то рассказывая эту сказку, почувствуют отзвук того, что пережила человеческая душа как первоначальное солнце, как возникновение солнца и луны в эпоху рыб на земле. Знакомство с этой сказкой долгое время спустя после того, как эти упомянутые вещи появились в моем "Очерке Тайноведения", было для меня - опять личный мотив - в определенном отношении очень значительным переживанием. Если мне сейчас совсем не приходит в голову объяснять все это абстрактным образом, то вполне определенные чувства, которые возникают при рассмотрении этой мировой эволюции, очень созвучны другим чувствам, возникающим при отдаче себя удивительным образам этой сказки.

Или возьмем еще одну удивительную меланезийскую сказку. Прежде чем говорить о ней, вспомним о том, что человеческая душа, согласно духовному исследованию, всецело связана с современными событиями и фактами вселенной. Если даже ниже следующее и покажется излишне образным, то духовнонаучно в определенном отношении все же будет верно, если мы скажем: когда человеческая душа покидает во сне физическое тело, то она пребывает непосредственно связанной со всем космосом, она ощущает себя родственной всему космосу. Есть возможность легко вспомнить о родстве человеческой души, например, человеческого Я, с космосом или, по меньшей мере, с нечто весьма значительным в космосе. Мы направляем взор на растительный мир и говорим себе: это растение растет, но оно может расти лишь под воздействием солнечного света и солнечного тепла. Мы имеем перед нами укоренившееся в землю растение. В духовной науке мы говорим: это растение состоит из своего физического тела и пронизывающего его жизненного тела. Но для того, чтобы растение росло и развивалось, этого недостаточно. Для этого необходимы силы, которые действуют на растение с солнца.

Если мы теперь рассмотрим человеческое тело во время сна. то это спящее человеческое тело имеет с растением нечто общее. Оно, как спящее человеческое тело, имеет некоторое сходство с растением, ибо обладает силами роста, которые присущи и растению. Но человек эмансипирован от того космического порядка, в который растение вплетено. Растение, для того чтобы на него могли действовать солнечные лучи, должно дожидаться восхода и захода солнца. Оно вплетено во внешний космический порядок. Человек с этим порядком не связан. Почему? Потому что в самом деле истиной является то, что показывает духовное исследование: человек из своего Я, которое во время сна находится вне его физического тела, когда последнее является нам подобным растению, развивает то, что для растения развивает солнце. Как солнце изливает над растением свой свет, так и человеческое Я, когда человек спит, изливает свой свет над уподобившемуся растению физическим телом. Как солнце покоится над растением, так и человеческое Я духовно покоится над растительно-подобным спящим физическим телом. Да, Я человека, само являясь некоего рода солнцем для спящего человеческого тела, во время сна способствует процветанию этого тела тем, что может восстановить силы, использованные во время бодрствования. Если мы почувствуем это, то заметим, насколько человеческое Я родственно солнцу. Как солнце, это нам все более и более показывает духовная наука, проходя по небосводу, - я говорю, естественно, о видимом движении солнца - в зависимости от положения под тем или иным знаком зодиака, в определенном отношении меняет воздействие своих лучей, так и человеческое Я проходит различные фазы своих переживаний, воздействуя на физическое тело из одной фазы так, а из другой - иначе. В духовной науке чувствуют: солнце изменяет свое воздействие на землю, в зависимости от прохождения под тем или иным созвездием, например, тельца, овна и т.д. Поэтому не

говорится о солнце в общем, но говорится о воздействии солнца из двенадцати созвездий, то есть всегда имеется в виду прохождение солнца через двенадцать знаков зодиака - и затем указывается на родство меняющегося Я с изменяющимися влияниями солнца.

Теперь все, что здесь может быть дано лишь в общих чертах, но в моем "Очерке Тайноведения" изложено более подробно, мы возьмем как нечто такое, что может быть получено как духовно-душевное познание; мы рассмотрим это как то, что, оставаясь бессознательным, разыгрывается в основах человеческой души, но разыгрывается таким образом, что свидетельствует, указывает на внутреннее сопереживание себя с духовными силами космоса, которые проявляются в созвездиях и планетах; и сравним все, что сообщает нам духовная наука о тайнах космоса, с меланезийской сказкой, которую я опять перескажу лишь вкратце.

На улице лежит камень. Этот камень является матерью Кватля. У Кватля есть еще одиннадцать братьев. После того как были сотворены Кватль и одиннадцать братьев, Кватль начал творить современный мир. В этом мире, который он тогда сотворил, еще не знали различия между днем и ночью. И вот Кватль узнает, что где-то есть остров, на котором существует различие между днем и ночью. Он отправляется на этот остров и привозит в свою страну с этого острова несколько существ. И, благодаря влиянию этих существ, для существ его страны наступает смена состояний сна и бодрствования; восход и заход солнца происходит для них душевно.

Поразительно, что в этой сказке опять слышится этот отзвук. Если перед собой имеешь всю сказку, то в каждой строке как бы вибрирует нечто из того, что связано с мировыми тайнами, вибрирует нечто подобное тому, что переживает в своих глубинах в смысле духовной науки душа. И тогда уже невозможно отрицать, что источники сказочного настроения, поэтического вымысла сказок сокрыты в глубинах человеческой души! Эта сказка представляет собой образное выражение внешних событий, к которым нужно обратиться, чтобы дать ту духовную пищу, которая утолит голод, проистекающий из охарактеризованных переживаний. Мы, конечно, должны признаться: да, мы очень далеки от этих переживаний, но можем почувствовать отзвук этих переживаний в сказочных образах.

Если мы будем помнить об этом, то уже не будем удивляться тому, что эти прекрасные охарактеризованные сказки знакомы нам и дошли до нас именно из тех древних эпох, когда люди еще обладали определенным ясновидящим сознанием и поэтому им были более доступны источники сказочного настроения и сказочного поэтического вымысла; и нам не нужно будет удивляться тому, что в тех странах, где люди в своих душах, например, в Индии и вообще на Востоке, стоят пока ещё ближе к духовным истокам, чем души людей Запада, сказки могут обладать пока ещё более выраженными свойствами.

И тогда мы уже не удивимся, что в немецких сказках, которые собирали Яков и Вильгельм Гримм по мере того, как они слышали их от родственников или других, зачастую простых людей, мы вновь находим описания, напоминающие нам ту эпоху европейской жизни, когда возникли великие сказания о героях; мы не удивимся, что эти сказания содержат черты, которые мы находим также и в великих сказаниях о богах и героях. Далее мы также не удивимся, если услышим то, что выяснилось по ходу дела: наиболее значительные сказки являются еще более древними, чем сказания о героях, потому что сказанья о героях показывают человека только в определенном возрасте и в определенной жизненной ситуации, тогда как в сказках живет то общечеловеческое, что сопровождает человеческую душу от первого до последнего вздоха в течение всей жизни. И мы не удивимся, если сказки стремятся выразить в образах, например, и то, что названо глубокими переживаниями души, стремятся выразить то чувство несоответствия себя, переживаемое душой при пробуждении относительно природных сил, перед которыми она беспомощна и над которыми одерживается верх лишь в том случае, если в ней в то же

время живет утешение: в тебе имеется нечто, что возвышает тебя и в определенном отношении вновь делает тебя повелительницей природных сил. Если чувствуют это настроение, тогда также чувствуют, почему в сказках так часто появляются великаны, с которыми человеку приходится иметь дело. Почему же появляются эти великаны? Конечно же, образы этих великанов возникают совершенно естественно из того настроения, которое переживает душа, когда она утром вновь стремится войти в свое физическое тело, когда природные силы, которые охватывают физическое тело, видятся человеческой душе "гигантскими". И то, что в это время переживает душа, что она может в это время почувствовать, это совершенно верно, но не абстрактно-логически, представлено, как и подобает душе, в многообразных поединках человека с великанами. Душа чувствует, когда все это приближается к ней, что во всей этой борьбе, во всей этой ситуации с великанами, у неё есть лишь одно: ее хитрость. Ибо ей необходимы чувства такого рода: ты можешь войти сейчас в свое тело, но что ты есть по сравнению со всеми гигантскими силами вселенной! Но все же в тебе есть нечто такое, чего нет в этих гигантах: хитрость и разум! Это чувство неосознанно стоит перед душой, даже если она вынуждена сказать себе, что не в состоянии противиться гигантским силам вселенной. И мы прямо-таки видим, как душа погружается в себя, когда она выражает в образах только что охарактеризованное настроение.

Шел по улице человек, зашел он в трактир и заказал молочный суп. На запах супа слетелись мухи. Он поел, а остатки супа достались мухам. Затем он ударил по тарелке, пересчитал мух и объявил: "Сразу сотню!". Хозяин трактира повесил на него доску с надписью "Он поразил одним ударом сотню!" - и пошел он дальше. На его пути оказался замок, из окна которого как раз в это время выглянул король. Король увидел надпись на доске и подумал, что этот человек может пригодиться ему. Он взял его к себе на службу и дал ему совершенно определенное поручение. "Послушай, - сказал король - в мои земли постоянно приходит множество медведей. А если ты поражаешь одним ударом сотню, то уж с медведями справишься запросто". - "Хорошо, я сделаю это, - согласился человек. - но пока медведи не пришли, я хочу получать жалование и питание". А про себя подумал: "Если я не справлюсь с медведями, то хотя бы до поры до времени поживу неплохо". А как настало время прихода медведей, собрал он всевозможные продукты и прочие вкусные вещи, до которых медведи столь охочи, и отправился им навстречу. Он разложил продукты, подошли медведи, набросились на еду и до того объелись, что, совсем обессилев, повалились тут же. И ему осталось только убить их одного за другим. Вскоре пришел король и увидел, что его поручение выполнено. А человек сказал: "Я заставил прыгать их через пень и при этом отрубал им головы". Король остался этим очень доволен и дал ему другое поручение. "Послушай, - сказал он - скоро в мои земли придут великаны и ты должен помочь мне справиться с ними". Человек пообещал сделать это. А как настало время прийти великанам, он опять взял много вкусной пищи, а вдобавок жаворонка и кусок сыра. Затем он повстречал великанов и стал хвастаться перед ними своей силой. Один из них сказал: Сейчас ты увидишь, что мы сильнее". С этими словами взял он камень и раскрошил его в своей руке. Затем обратился к человеку: "Вот какие мы сильные! Тебе ли тягаться с нами!". Другой великан взял стрелу и пустил ее так высоко, что вернулась она лишь спустя долгое время. И этот великан сказал: "Вот какие мы сильные! Тебе ли тягаться с нами?". На что человек, убивший сотню одним ударом, ответил: "Все это я могу сделать еще гораздо лучше!". Он взял камень, взял незаметно кусочек сыра и сказал великанам: "Я смогу из камня выжать воду!" И, раздавив сыр, выжал из него воду. Великаны дивились его силе, с помощью которой он выдавил из камня воду. Затем он взял жаворонка выпустил его и сказал великану: "Твоя стрела вернулась обратно, но мою стрелу я пустил так высоко, что она вообще не вернется!" Жаворонок конечно не вернулся. Великаны очень удивились и решили единодушно, что его можно одолеть только хитростью. А уж о том, чтобы справиться с ним с помощью своей необыкновенной силы,

они больше и не думали. Но получилось наоборот: не они перехитрили человека, а человек - их. Когда они отправились спать, он надел себе на голову наполненный кровью свиной пузырь. Великаны подумали: "Когда он бодрствует, мы его не одолеем - попробуем одолеть его, когда он спит". Думая, что он заснул, они набросились на него и ударили по голове. Из свиного пузыря брызнула кровь. Увидев кровь, они решили, что с ним покончено, и отправились спать. Удовлетворенные сделанным, они заснули так крепко, что человеку не составило никакого труда справиться с ними.

Несмотря на то, что эта сказка, подобно многим другим сновидениям, заканчивается неясно и малоубедительно, мы все же видим в ней изображение борьбы человеческой души с природными силами, которая ведется сначала с "медведями", а затем переходит в поединок с "великанами". Но еще нечто иное видим мы в этой сказке. Человек, поражающий ударом сотню, предстает перед нами так, что мы чувствуем отзвук переживаний, живущих в бессознательных глубинах души: хитрость всегда может гарантировать ему превосходство над более мощными силами, которые он воспринимает в образе великанов. Конечно, не совсем хорошо, когда то, что переработано художественно в образы, объясняют совершенно абстрактно и на примере отдельных мотивов. Но это совсем не имеет значения. Поскольку ничто не разрушается в сказочных образах, если чувствует сказки как отзвук протекающих в глубине души процессов. С другой стороны, эти процессы являются таковыми, что мы можем знать о них настолько много, насколько это вообще возможно только благодаря духовному исследованию; и несмотря на это, если в них постоянно углубляются, если их таким образом переживают, они и в этом случае остаются элементарными и изначальными. И никакое знание, если таковое имеется, не лишает возможности внести в сказочное настроение то, что переживается таким образом в глубинах души.

Поэтому, вне всякого сомнения, для исследования сказок желательно знать, что они представляют собой то, в чем, обозначенным уже образом, нуждается душа в силу своих глубочайших переживаний. Наряду с этим никоим образом не разрушается настроение, из которого рождаются сказки, ибо тот, кто, возможно, в соответствии с сущностью сказок достигнет глубочайшего прозрения источников бессознательной жизни, найдет в этих источниках нечто такое, что, будучи представлено абстрактно, ограничивает сознание; а по сути дела он найдет, что изложенное в сказках действительно является всеохватывающим выражением для глубочайших душевных переживаний.

Тогда понимают: Гете в многозначительных и многозначных образах "Сказки" о зеленой змее и прекрасной лилии выразил то, что смог глубоко пережить и что Шиллер высказал в абстрактно-философских понятиях. Следовательно, Гете, несмотря на то, что он многое продумал, пожелал высказать в образах то глубочайшее, что он воспринял в подосновах и в подсознательном бытии человеческой душевной жизни. А так как сказки связаны с наивнутреннейшим существом души, связаны с тем, что глубоко сопряжено с наивнутреннейшей сутью души человека, то им и присуща именно та форма изложения, которая наиболее соответствует детскому душевному складу. Можно сказать, что сказки наиболее простым образом выражают наиболее глубочайшее в духовной жизни. Постепенно почувствуют, что во всей осознанной художественной жизни нет более значительного искусства, чем то, которое свершает путь из бессознательных глубин душевной жизни к привлекательным, зачастую шутивным образам сказок.

Когда наиболее трудное для понимания могут выразить в наиболее понятной форме, тогда возникает величайшее, естественнейшее искусство, искусство сущностно связанное с человеком. А так как в ребенке человеческое существо связано с всеобщим бытием, связано с всеобщей жизнью еще наиболее изначальным образом, то и нуждается ребенок для своей души в такой пище как сказки. В ребенке еще свободно может двигаться то, что представляет духовные силы. Если душа ребенка не опустошена, эти духовные силы еще

не могут быть вплетены в абстрактно-теоретические понятия. Они еще должны быть связаны с тем, что коренится в основах бытия.

Поэтому нет большего благоденствия для ребенка, чем то, которое мы оказываем для его души, позволяя воздействовать на нее тому, что связывает основы человека с основами бытия. Так как ребенок еще должен творчески работать над своим обликом, так как он сам еще должен произвести формирующие силы для своего роста, для развития своих способностей, то и воспринимает он столь удивительную для его души пищу в сказочных образах, корни которых соединяют его с бытием. И так как человек, даже предаваясь рационально-рассудочному, все же не может быть оторван от корней бытия, и так как он, даже понуждаемый во многом уступать прозе жизни, все же связан глубоко внутренне с корнями бытия, то и обращается, если только обладает здоровым и искренним нравом, в любом возрасте радостно к сказкам. Потому что никакой возраст, никакие жизненные обстоятельства не смогут отдалить нас от того, что изливается из сказок; потому что мы утратили бы связь с наиглубочайшим в человеческой природе, если бы более не обладали смыслом того, что из этого смысла человеческой природы, столь непостижимой для рассудка, выражается в обычных сказках и в естественном, простом, примитивном сказочном настроении.

Отсюда можно понять, что люди, которые много времени посвятили тому, чтобы вернуть человечеству затронутые культурным влиянием сказки, как, например, братья Grimm, даже если они не относились к этому духовнонаучно, но тем не менее из всего их отношения к сказкам, которые они извлекали из народной культуры, можно понять: эти люди чувствовали, что дали человечеству нечто, внутренне свойственное человеческой природе. Тогда также понимают, что после столетий рассудочной культуры, которая так много сделала, чтобы отдалить сказки от человеческих и детских душ, такие собрания сказок, как собрания Братьев Грим, вновь открыли всем восприимчивым для этого людям доступ к сказкам, которые вновь стали не только общим достоянием детской души, но и общим достоянием всех душ. И это будет все более и более возрастать по мере того, как духовная наука будет становиться не только теорией, но настроением души, тем настроением, которое все более и более будет соединять душу, соединять согласно чувству с духовными основами ее бытия.

Таким образом, именно благодаря распространению духовной науки, подтвердится то, к чему стремились настоящие собиратели сказок, настоящие ценители и исполнители сказок, и что один человек, глубокий знаток и собиратель сказок, в своих докладах, которые мне довелось слышать, часто высказывал в прекрасных поэтических словах, которыми, понимая их в смысле сегодняшнего доклада, мы и завершим духовно-научное рассмотрение сказок. Мы подведем итог словами, сказанными в своих докладах человеком, который с пониманием любил сказки, с пониманием собирал сказки и с пониманием ценил сказки; и поэтому мы охотно присоединяемся к этим словам: сказки и предания подобны добром}' ангел)', который дается человеку родиной, рождением в его жизненных странствованиях, чтобы быть ему в этих жизненных странствованиях верным другом и благодаря этому дружескому союзу, преобразить его жизнь в настоящую внутренне одушевленную сказку.

На правах рукописи. Перевод Веселова П.В.